

Корпусный анализ семантической структуры лексемы «глаз»

Samac, Leon

Undergraduate thesis / Završni rad

2020

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:478428>

Rights / Prava: [Attribution 4.0 International](#)/[Imenovanje 4.0 međunarodna](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-18**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i

književnosti

Završni rad

Корпусный анализ семантической структуры лексемы «глаз»

student: Leon Samac

mentor: Irina Mironova Blažina, v. lektor

ak. god.: 2019/2020

U Zagrebu, 11.9.2020

Содержание	
1. Введение.....	2
2. Теоретические сведения.....	3
2.1 Полисемия.....	3
2.2 Метонимия и метафора.....	6
2.3 Воплощённое познание.....	8
3. Анализ семантической структуры лексемы «глаз».....	9
3.1 Центральное значение.....	9
3.2 Лексико-семантические варианты.....	10
3.3 Вывод.....	12
4. Заключение.....	13
5. Литература.....	15
6. Приложение.....	17

1. Введение

В этой работе будет говориться о лексеме «глаз» в русском языке, при чём внимание будет обращено на разные отдельные значения этой лексемы и отношения между её значениями. Чтобы познакомиться с темой многозначности, будем коротко описать относящиеся к делу аспекты теории Фердинанда де Соссюра, который ещё в начале 20-ого века в «Курсе общей лингвистики» разработал фундаментальные концепты описания языковой деятельности, которые сильно влияли на развитие лингвистики до сих пор. Одним из основных концептов системы де Соссюра является языковой знак, состоящий из означающего, т.е. акустического образа слова (либо графического, если речь идёт о тексте), и означаемого, т.е. понятия, на которое акустический образ слова указывает. Другими словами, в языковом знаке осуществляется связь между двумя уровнями языковой системы: форма связывается со значением. Но если посмотреть на то, как говорящие пользуются словами в реальных ситуациях, то можно увидеть, что очень часто одно означаемое связано с несколькими означающими; этот феномен называется синонимия: отношение между двумя лексемами, которые обозначают одинаковые понятия. Например, у слов *отец* и *papa*, хотя и обнаруживаются стилистические и экспрессивные различия, денотат один и тот же. Противоположной синонимии является полисемия, которая определяется в рамках одного слова: это отношение между одним означающим и несколькими означаемыми. Так слово *поле* может обозначать безлесную равнину, но и любое ровное обширное пространство, даже и сферу какой-либо деятельности, отвлечённое понятие, на первый взгляд не связано со значением *безлесная равнина*.

Полисемия отражается в структуре словарей. Например, в словарной статье слова *поле* в Толковом словаре Ожегова приводится девять отдельных дефиниций, т.е., в этом словаре определяется девять значений слова *поле*. Такая же ситуация наблюдается во многих статьях словарей русского языка, как и в словарях других языков, что указывает на межязыковую универсальность полисемии и её важную роль в организации лексической структуры языка (Пазова, Щербашина 2011: 5).

Существует долгая история исследования феномена и понятия полисемии, с корнями в мысли античных философов. Концепт полисемии развивался до сих пор, что привело к сегодняшнему большому числу разных толкований этого концепта. Большинство

современных подходов к проблеме полисемии принадлежит к одной из версий когнитивной лингвистики, появившейся во второй половине 20-ого века в работах американских лингвистов. Эта семинарная работа также будет базироваться на идеях когнитивной лингвистики при обработке полисемии в русском языке. Во второй главе будет обсуждаться теоретический фон исследования: полисемия, но и два основных процесса, осуществляющих полисемию – метонимия и метафора. В конце главы сказано будет пара слов о воплощённости познания, которое играет важную роль в когнитивной лингвистике. В третьей главе будет проведён анализ лексемы «глаз» и будут обсуждаться результаты анализа: что они говорят о структуре полисемантических слов в общем. Также, результаты анализа будут сравниваться с результатами проведённого автором анализа семантической структуры лексемы «глаз» в английском языке.

2. Теоретические сведения

2.1 Полисемия

Как уже сказано, полисемия является отношением между одним означающим и несколькими означаемыми, но сложность языковой реальности даёт знать, что такое толкование является недостаточно чётким. В своей книге «Лексическая полисемия в когнитивном аспекте», Л. М. Лещёва (2014: 28), обсуждая разные точки зрения о полисемии, пишет, что «многозначным, или полисемантическим, может считаться слово, имеющее на определенном синхронном срезе развития языка несколько планов содержания при одной форме их выражения, независимо от того, является ли идентичность формы случайным совпадением результатов вариативности планов выражения этимологически разных лексических единиц или же закономерным результатом семантического развития одной и той же лексической единицы». Здесь надо подчеркнуть несколько идей. Во-первых, полисемия определяется в определённый момент в развитии языка и лексемы, что значит, что значения, которые некогда были связанными с лексемой, но больше не связаны, теперь не играют роль в семантической структуре этой лексемы. Во-вторых, из этой цитаты происходит, что полисемия на самом деле качественно похожа на омонимию, потому что причина идентичности формы не является важной, но если посмотреть на факты языка, то увидим, что полисемия и омонимия существенно отличаются друг от друга. Разница между ними заключается в том, что в случае полисемии речь идёт о только одной лексеме, а в

случае омонимии – о двух. Полисемию также надо различать от широкозначных слов, примером которых является слово «вещь». Этим словом можно назвать большое количество денотатов, однако, оно не является полисемантическим.

Барабаш (2014: 89) полисемию определяет как «наличие у языкового знака двух и более связанных друг с другом генетически и семантически значений». Барабаш подчёркивает генетические и семантические связи, но семантические связи являются более важными, потому что вопрос генетической связи зависит от того, сколько далеко в прошлом ищется связь; например, может быть, что два сегодняшних слова не имеют общего происхождения, если посмотреть трёхсот лет назад, но если посмотреть дальше, то эти слова имеют общее происхождение. Другими словами, трудно определить, как в реальных случаях пользоваться генетическим, т.е. этимологическим критерием, чтобы различать полисемию от омонимии. Семантические связи, с другой стороны, можно анализировать синхронно. Возвращаясь к теории Лещёвой, полисемию можно рассматривать как вид неоднозначности, у которой существует «определённая предсказуемость, регулярность семантического развития» (там же: 30), или, другими словами, наличие «регулярных внутрисловных связей между отдельными значениями» (там же: 31). В её теории, семантические связи играют большую роль, но важнее, может быть, является то, что она утверждает регулярную, предсказуемую природу семантического развития. Вследствие такого понимания полисемии ожидается, что группа значений у полисемантического слова не случайный набор, а на самом деле существуют определённые правила и организация.

Что касается причины существования полисемии как языкового феномена вообще, Пазова и Щербашина (2011: 4) пишут, что суть полисемии «заключается в использовании ограниченного количества знаков (слов) для обозначения неограниченного количества предметов и явлений объективной действительности», либо, если сказать по-другому, главная причина полисемии – экономия языка. Логика аргумента является простой: если бы для каждого понятия, которых в принципе бесконечно много, нужно было отдельное слово, то было бы бесконечно много слов, но, если слова (фонетические формы) могут взять на себя дополнительные значения, число слов, которые говорящие должны знать, чтобы могли общаться друг с другом, сильно уменьшается на реальный уровень, обусловленный человеческими ментальными способностями. Когнитивная лингвистика даёт ещё одну

причину полисемии: «изучение механизмов возникновения и распознавания многозначности ведет не только к постижению сути семантических процессов, но и к постижению механизмов функционирования когнитивной системы человека в целом» (Боярская 2006: 81). Полисемия как языковой феномен узко связана с, и на самом деле является следствием, когнитивной системы человека, т.е., полисемантические слова являются языковым отражением такого же типа организации концептуальной структуры.

Важным вопросом является и природа неосновных понятий полисемантического слова. Согласно одной точке зрения, неосновные понятия являются деривационными: полисемия «не просто обнаруживает связь отдельных понятий, а представляет собой результат деривационного процесса создания новых концептов на основе уже имеющихся.» (Лещёва 2014: 61). Деривационный процесс начинается с основного, более конкретного значения, а кончается с более отвлечённым значением (там же: 61). Но этот подход к полисемии предполагает, что результатом деривационного процесса является совсем новый, пока не существующий концепт. Согласно другой точке зрения, «видение нового понятия в терминах старого предполагает прежде всего само существование в сознании нового понятия» (там же: 63). Эта работа будет придерживаться второй точки зрения: у полисемии, как правило, не создаётся новый концепт, а уже существующий концепт связывается с уже существующим словом; «процесс образования в слове вторичного значения на метафорической или метонимической основе не является идентичным процессу образования понятия» (там же: 68). Таким способом, образование понятия осуществляется в концептуальной системе, а образование вторичных значений слова в языковой системе. Пазова и Щербашина (2011: 7) также считают, что полисемия не нужно включает образование новых понятий.

В прошлом абзаце упомянулись основное и вторичные понятия; сейчас надо определить терминологию, а затем и объяснить возможные связи между основным и вторичными понятиями, т.е. возможную семантическую структуру полисемантического слова. Как пишут Галеева, Казиахмедова и Янова (2017: 784), «полисемичное слово имеет несколько значений – денотативное (воспроизводимое) значение и производные от него значения (контекстуальные)», но в этой работе будем пользоваться не этой терминологией. *Денотативное значение* можно связать с *денотатом* либо *референтом*, реально

существующим объектом именованя, но вторичные понятия очень часто также являются существующими объектами: даже когда говорящий пользуется вторичными значениями, они, на самом деле, являются денотативными. У названий *воспроизводимое* и *производные значения* эта проблема отсутствует, но, как будет видно в анализе и заключении, вторичные значения также играют роль в создании других вторичных значений. Поэтому, и имея в виду структуру полисемантических слов, в этой работе основное значение будет называться центральным значением, а вторичные значения, как принято в литературе, будут называться лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Говоря о структуре полисемантических слов, Глаеева, Казиахмедова и Янова (там же: 784-785) утверждают, что их «значения образуют определенную семантическую структуру и в то же время могут быть по-разному связаны», при чём выделяют три типа связей: «радиальная связь – это связь, при которой все значения слова непосредственно связаны с главным [...] Цепочечная связь – связь, при которой каждое новое значение слова связано с предшествующим, но «крайние» значения могут быть и не связаны между собой [...] Смешанная, или радиально-цепочечная связь – это связь полисемии, когда в слове совмещены оба типа связи». Такие же типы связей приводит и Барабаш (2014: 89-90), при чём отмечает, что смешанная связь является наиболее обычным случаем. В конце анализа этой работы, эта концепция структуры будет дополнительно обсуждаться и модифицироваться.

2.2 Метонимия и метафора

Как уже сказано в предыдущей главе, в рамках когнитивной лингвистики полисемия считается как языковым, так и когнитивным процессом. Расширение смысла слова осуществляется процессами, которые таким же способом считаются когнитивными, т.е. ментальными: «когнитивное видение языковой образности исходит из признания метафоры и метонимии ментальными механизмами манипуляции с единицами представления знания» (Илюхина 2015: 36). Такую точку зрения выносит и Романенко (2010: 16): «в когнитологии метафора и метонимия считаются когнитивными механизмами, а не тропами». Здесь надо подчеркнуть, что Лакофф и Джонсон, основоположники когнитивной лингвистики, анализировали «так называемые стертые, или мертвые метафоры, т.е. словесные метафоры, ставшие фактами языка» (Козлова 2011: 139). Они считали, что авторские метафоры и метонимии, т.е. те, которые явно являются метафорическими либо метонимическими, на

самом деле только особенно креативные версии существующих в когнитивной и языковой структуре метафор и метонимий.

Типичным примером метафоры является метафора «спор есть битва», которая осуществляется такими выражениями как «разбить аргументацию» и «победить в споре». Аргументация, очевидно, не физически существующий объект, поэтому она и не может быть разбитой в прямом значении этого глагола. Как пример метонимии можно привести предложение «Белый дом грозит санкциями», где название здания указывает на учреждение, находящееся в этом здании. Видно, что внутренние связи в примерах метафоры и метонимии отличаются друг от друга, но трудно чётко определить разницу между метафорой и метонимией. Солодилова (2014: 31) пишет, что «если метафорическое проецирование задействует две различные концептуальные области, то метонимия представляет собой трансформацию в рамках одной концептуальной области». Имея в виду вышеприведённые примеры, можно сказать, что, в прямом значении, вербальный спор и битва не имеют много общего, но связав метафорически концептуальную область спора и концептуальную область битвы, говорящие могут, например, защищать свои аргументы. Другими словами, абстрактная область споров описывается словами области конкретной физической битвы. Что касается примера с Белым домом, здесь цельное значение ближе высказанному, чем это случай с метафорой; Белый дом, конечно, относится к правительству США, президент которых находится в Белом доме, т.е., связь осуществляется в одной области. Но, как предупреждает Солодилова (там же: 32), такое толкование является проблематичным: «насколько правомерно говорить о процессе метонимического проецирования в рамках одной концептуальной области, зависит от того, что понимается под концептуальной областью». Несмотря на эти трудности, в этой работе метонимия будет толковаться в контексте одной концептуальной области.

Если в метафоре фигурируют две концептуальные области, а в метонимии только одна, то можно сказать, что метонимия, в определённом смысле, является более простой, чем метафора. Именно такую точку зрения выносит Солодилова (2017: 54): «метонимические процессы и феномены являются не менее, а, может быть, и более основополагающими для языка и мышления, чем метафорические, поскольку метонимия вследствие лежащих в ее основе отношений смежности гораздо глубже коренится в

когнитивно-семантических структурах, чем метафора», т.е. она пишет, что «метонимическая мотивируемость метафор [...] общее явление, согласно которому метафорические проекции всегда имеют метонимическую основу». В этой работе предполагается такое отношение между метонимией и метафорой. Поэтому, метафора не будет здесь дополнительно определяться, а ещё пара слов будет сказана о метонимии.

Резинкин, дискутируя о метонимии, определяет смежность, сопредельность и вовлеченность в одну ситуацию как характеризующие метонимию свойства. Такие отношения не играют роль в метафоре, которая является более открытой. Дальше, он пишет, что эти свойства «предполагают наличие различного рода логических отношений (понятийных, синтагматических, пространственных, временных, событийных, причинно-следственных и др.), которые могут возникать между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем» (Резинкин 2011: 33).

2.3 Воплощённое познание

Перед анализом остаётся только сказать пару слов о воплощённом познании, концепту, который играет большую роль, как в когнитивной лингвистике, так и в когнитивистике в общем. В основных чертах, сторонники теории воплощённого познания считают, что познание надо рассматривать в контексте физического тела во взаимодействии со своей средой. Что касается когнитивной лингвистики, и самое важное для этой работы, американский учёный Гиббс (2005: 92) считал, что люди «метафорически осмысляют свой опыт пользуясь основным телесным опытом в мире»¹. Примером такого метафорического осмысления являются предложения как например «Я не вижу, что она хотела сказать», где глагол *видеть* явно не использован в прямом значении, а отвлечённая область знания связывается и описывает с помощью более конкретной, воплощённой области видения. Теория воплощённого познания предполагает, что слова, обозначающие части тела и действия, связанные с ними, являются самыми продуктивными для метонимического и метафорического переноса. Поэтому, в этой работе будет анализироваться семантическая структура именно лексемы «глаз».

¹ Перевод автора

3. Анализ семантической структуры лексемы «глаз»

Нижеприведённый анализ семантической структуры лексемы «глаз» будет базироваться не на значениях, находящихся в толковых словарях русского языка, а на анализе 500 примеров из Национального корпуса русского языка. Как отмечает Боярская (2013: 38), «использование корпуса, фиксирующего естественный контекст употребления отдельных значений многозначных единиц, повышает степень валидности выводов исследования, минимизируя долю субъективности трактовок и неполноты анализируемого материала, прежде всего за счет значительного количества данных и их гранулярности». Далее, надо подчеркнуть, что анализ основан на значениях лексемы «с целью абстрагироваться от конкретных словоформ и сделать выводы более общего характера» (там же: 37).

3.1 Центральное значение

Центральное значение лексемы «глаз» относится к физическому органу зрения. Примеры такого употребления не трудно найти:

- (1) Невозможно без эмоций смотреть на его грустные глаза, на седую прядь волос на лбу, на морщины...

О центральном значении не надо много говорить. В таких примерах не наблюдается расширение значения, но именно из центрального значения будут создаваться все остальные значения, т.е. лексико-семантические варианты. Что касается частоты, центральное значение лексемы «глаз» было использовано 352 раза, т.е. 70.4% всех анализированных примеров были центрального значения. Таким способом, центральное значение является самым частотным отдельным значением, но и, если посмотреть на дихотомию «центральное значение / лексико-семантические варианты», то центральное значение более частотное, чем лексико-семантические варианты в целом.

Здесь надо подчеркнуть, что в этой работе разница между значениями «красивые глаза» и «голубые глаза» (речь не идёт о одной и той же части глаза) не будет считаться лексико-семантическим вариантом, поскольку денотатом всё-таки является физический орган зрения.

3.2 Лексико-семантические варианты

Анализ лексико-семантических вариантов начнётся с очень распространённого типа метонимии, «названием органа обозначается человек».

(2) Если, покупая шторы, ты хочешь, чтобы они радовали мужской глаз, обрати внимание на результаты социологических опросов, проведённых недавно в Европе.

(3) А на палатки новые смотрю — глаза радуются.

В примерах (2) и (3) очевидно, что не радуются глаза; они не могут радоваться в прямом значении. Здесь происходит метонимический перенос с части (глаз) на целое (человек). Выбор именно глаз обусловлен причиной радости в оба примера: человек радуется благодаря чему-то увиденному глазами. Если бы причина радости была не визуальной, выбор глаз был бы неуместным. Из 500 примеров, такой тип переноса появился только 4 раза.

Очень редкое, но всё-таки существующее, значение (хотя бы в 500 анализируемых примеров) можно толковать как «способность видеть»:

(4) Гаишник остановил меня и спросил, есть ли у меня глаза.

Здесь можно предположить, что вопрос не буквальный, и что на самом деле относится к способности пользоваться глазами. В этом значении обнаруживается метонимия «названием инструмента обозначается действие»; глаза связываются со своей функцией. О метафоре здесь не можем говорить, поскольку центральное значение и «способность видеть» части одной концептуальной области. Это значение чуть реже вышеприведённого, оно появилось 3 раза.

Следующее значение является самым частотным из лексико-семантических вариантов значением (54.7% из всех нецентральных употреблений лексемы) и другим по частотности в общем: оно появилось 81 раз.

(5) Я налила себе чаю и подняла глаза на мужа: "Леш, тебе чай или кофе?"

Глаза не буквально подняты на мужа, они остались в голове, а поднят взгляд жены. Глаз здесь осмысляется как источник взгляда, которым воспринимается окружающее. Как и

«способность видеть», «взгляд» является метонимическим переносом, по одинаковым причинам.

Остальные лексико-семантические варианты, которые будут приведены, концептуально более отдалённые от центрального значения, чем «способность видеть» и «взгляд», поэтому их можно считать не метонимическими, а метафорическими переносами, но, как увидим, они связаны не только с центральным значением, а и с лексико-семантическими вариантами.

(6) Или какая-то идея втемяшится в голову и, понимая, что делаешься в глазах других чудачком, втолковываешь свою "эврику" и злишься, что всем на неё наплевать.

В примере (6), значение слова «глаз» можно толковать как «точка зрения, понимание». Конечно, это значение связано с центральным значением, но в то же время, существует и тесная связь между «точкой зрения» и «взглядом», и эта связь обусловлена воплощённым познанием. Когда позиция глазах меняется, меняется и восприятие рассматриваемого объекта, находящегося как будто внутри взгляда; он смотрящему буквально выглядит по-другому. Такой же результат получается если меняется не позиция глаз, а рассматриваемого объекта. Таким способом, изменением позиции меняется и понимание объекта. Это значение появилось 34 раза.

(7) Пока Вы «наводите макияж и полируете тюнинг», у Вас престижное рабочее место уведут, купят яхту, на которую Вы глаз положили, и девушку уведут из-под носа.

На первый взгляд кажется, что значение слова «глаз» в примере (7) можно толковать так же, как и в примере (5), «взгляд» и в определённой степени, этот вывод стоит, но его лучше трактовать как «внимание», поскольку подчёркивается не факт, что яхта находится внутри взгляда, а что человек думает о ней и желает её. Опять, воплощённое познание играет роль: объекты, находящиеся внутри взгляда, видим, а если они и в фокусе взгляда, то и обращаем внимание на них. Это значение появилось чуть реже прошлого, 23 раза.

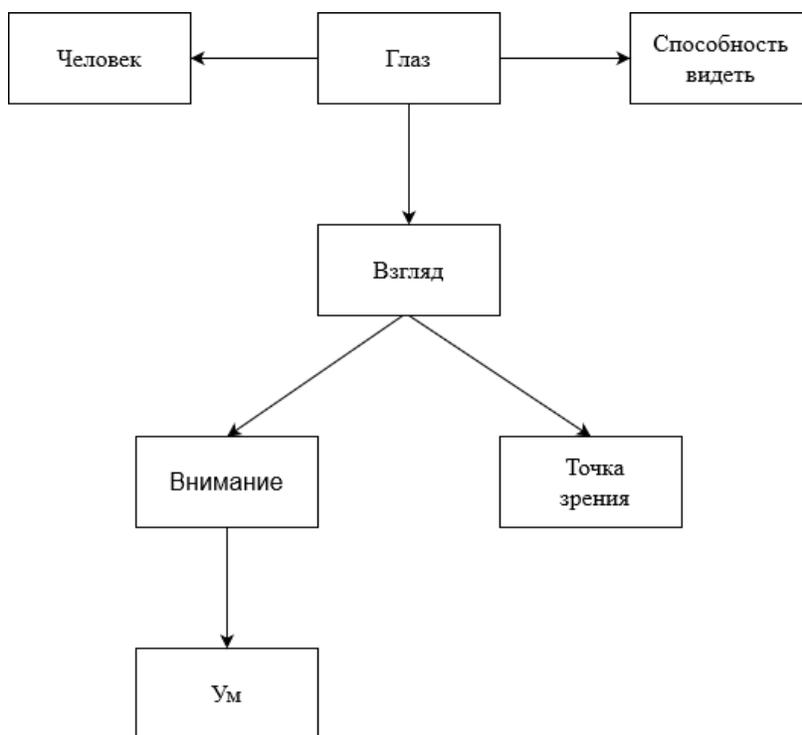
(8) Они называют тебя "хаваль Лена" ("товарищ Лена"), жмут руку, и в глазах у них — война.

Здесь война явно не в глазах, а в умах, т.е. судя по внешнему виде людей (наверно, по их выражению, большая часть которого строится на глазах), можно предположить, что эти люди думают о войне. В отличие от прошлых двух значений, значение «ум» очень редкое, хотя бы в выборке: оно появилось только 3 раза.

3.3 Вывод

Из проведённого анализа получается семантическая структура, изображена в диаграмме 1. Если посмотреть на эту структуру, а именно на отношения между лексико-семантическими вариантами, и имея в виду вышеприведённые типы семантических связей (радиальная, цепочечная, смешанная), можно сделать следующий вывод: разница между радиальной и цепочечной связями заключается, на самом деле, в числе связанных элементов; радиальная связь является зачатком цепочечной связи. Поскольку структура расширяется на основе метафорических и метонимических процессов, всегда в принципе существует потенциал цепочечного расширения значения². Поэтому, радиальные связи

Диаграмма 1 Семантическая структура лексемы "глаз"

² Например, где в русском наблюдается одноэлементная цепь со значением «способность видеть», в английском она расширяется двумя значениями: «способность воспринимать» и, дальше от центра, «способность представить себе».

можно считать определённого типа цепочечными связями, состоящими из только одного элемента. Таким способом, структура полисемантического слова может состоять либо из одной, либо из больше отдельных цепей.

Имея в виду приведённые в теоретической части идеи о метонимической основе метафоры, надо подчеркнуть следующее: нецентральные значения, прямо связанные с центральным, являются метонимическими значениями, а остальные нецентральные значения являются метафорическими *по отношению к центральному значению*, но метонимическими *по отношению к связанному с ними лексико-семантическому варианту*. Другими словами, цепи в семантической структуре можно определить как метонимические цепи.

Если сопоставить полученную семантическую структуру с семантической структурой лексемы «глаз» в английском языке, то увидим, что центральное значение лексемы «глаз» среди 500 примеров появляется чаще, чем в английском, в котором меньше половины примеров были центральными, хотя и в английском центральное значение было самое частотное. Другими словами, в английском лексико-семантические варианты вместе встречаются чаще центрального значения. Кроме того, количество отдельных нецентральных значений больше: в английском обнаружилось 10 лексико-семантических вариантов³, а в русском шесть. Вдобавок этому, семантические цепи в английском были более длинными, чем в русском. Но в то же время надо подчеркнуть, что различия в принципе наблюдаются в количестве значений и их частотности; что касается самих структур, то они в большей мере совпадают. Семантическая структура лексемы «глаз» в английском является более расширенной, чем в русском, но все значения, которые наблюдаются в русском, также наблюдаются и в английском языке, что указывает на определённую степень универсальности направления деривации значений.

4. Заключение

Проведённый корпусный анализ семантической структуры лексемы «глаз» показал, что она в настоящем языке далеко не использована только в своём центральном значении.

³ Если не считать и пять лексико-семантических вариантов, базированных на визуальном сходстве, которые в этом анализе не появились.

Лексико-семантические варианты этой лексемы являются не случайным, произвольным набором несвязанных между собой значений: они все связаны с центральным значением и мотивированы им, при чём конкретные значения получаются когнитивными процессами метонимизации и метафоризации центрального значения, как и других лексико-семантических вариантов. Дальше, эти значения не только мотивированы, а у них существует и определённая структура и, так сказать, очередь деривации; другими словами, некоторые значения ближе, а некоторые дальше центра. Кажется, что этот анализ подтверждает гипотезу воплощённого познания, что люди осмысливают отвлечённые понятия пользуясь словами, связанными с частями тела либо телесными действиями. Что касается лексемы «глаз», а соответственно с тем и концепта «глаз», можно сделать вывод, что глаза осмыслиются как определённого типа проводники из внешнего в внутренний мир человека.

5. Литература

- Барабаш, О. В. (2015) *Подходы к пониманию феномена полисемии* в: Вестник Пензенского государственного университета (88-92)
- Боярская, Е. Л. (2006) *Полисемия как результат концептуальной интеграции* в: Вестник РГУ им. И. Канта (81-86)
- Боярская, Е. Л. (2013) *Концептуальное моделирование процесса разрешения полисемии с использованием корпуса* в: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта (35-44)
- Галеева, Т. И., Хазиахмедова, С. Х., Янова, Е. А. (2017) *Явление полисемии как феномен лингвистики* в: Вестник удмуртского университета (784-794)
- Gibbs, R. W. Jr. (2005) *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press
- Илюхина, Н. А. (2015) *О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа* в: Вестник СамГУ (36-48)
- Козлова, Л. А. (2011) *Метафора и метонимия: сходство и различия* в: Вопросы когнитивной лингвистики (137-144)
- Лещёва, Л. М. (2014) *Лексическая полисемия в когнитивном аспекте*. Москва: Языки славянской культуры
- Пазова, Л. М., Щербашина И. В. (2011) *Понятие и взаимосвязь полисемии и синонимии* в: Вестник Майкопского государственного технологического университета (102-109)
- Резинкин, А. Ю. (2011) *Когнитивные подходы к изучению метонимии* в: Мир науки, культуры, образования (32-35)
- Романенко, В. А. (2010) *Метонимия в когнитивном аспекте* в: Вестник РУДН (16-20)
- Солодилова, И. А. (2014) *Метонимия: попытки описания и моделирования* в: Вестник ВГУ (31-35)

Солодилова, И. А. (2017) *Метонимия: границы феномена* в: Вестник Оренбургского государственного университета (53-57)

Национальный корпус русского языка, URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 11.9.2020.)

6. Приложение

Таблица 1 Частотность значений лексемы "глаз"

Значение	Частотность
Орган зрения	352 (70.4%)
Взгляд	81 (16.2%)
Точка зрения	34 (6.8%)
Внимание	23 (4.6%)
Человек	4 (0.8%)
Ум	3 (0.6%)
Способность видеть	3 (0.6%)

Sažetak:

Tema je završnog rada analiza semantičke strukture leksema „oko“ u ruskom jeziku u teoretskim okvirima kognitivne lingvistike. Na korpusnom uzorku od 500 primjera korištenja traženog leksema, i koncentrirajući se na jezično-kognitivne procese metaforizacije i metonimizacije, u radu se razrađuje radijalna semantička struktura s osnovnim značenjem leksema u centru i sekundarnim značenjima povezanim raznim tipovima veza kako s osnovnim, tako i s bliskim sekundarnim značenjima. Dobivena struktura, koja se sastoji od jednog centralnog i šest sekundarnih značenja, implicira da se struktura u osnovi oslanja na metonimijske tipove veza, čime se dobivaju metonimijski ulančana značenja. Rezultati analize se uspoređuju s analognom analizom istog leksema u engleskom jeziku te se nude mogući uzroci razlika u količini sekundarni značenja i učestalosti njihovog korištenja.

Ključne riječi:

Polisemija, metonimija, metafora, semantička struktura; Полисемия, метонимия, метафора, семантическая структура

Životopis:

Leon Samac rođen je 21. siječnja 1996. godine u Slavonskom Brodu, gdje se školovao u osnovnoj školi „Antun Mihanović“, a zatim u Klasičnoj gimnaziji fra Marijana Lanosovića s pravom javnosti. Po završetku srednjoškolskog obrazovanja 2014. godine upisuje studij informatike na Odjelu za informatiku Sveučilišta u Rijeci, no već slijedeće, 2015. godine, upisuje studij Engleskoga jezika i književnosti i Ruskoga jezika i književnosti. 2019. godine upisuje lingvistički smjer diplomskoga studija Engleskoga jezika i književnosti.